

Цин Нин наконец поднял голову и тихо уставился ему в глаза:

— Работа, о которой ты говорил раньше — это оно?

— Верно. Я отведу тебя к S-классу с самым высоким статусом. Тебе не придется, как им, крутиться со множеством мужчин, достаточно будет спокойно держаться одного, — Уэллс ухмыльнулся. — Разве ты не затем вернулся со мной, чтобы набить желудок?

Цин Нин:

— Ты не говорил, что придется заниматься этим.

— Но ты и не спрашивал.

Жестокость, которую Уэллс до этого намеренно сдерживал, наконец медленно проступила наружу:

— Просто зарабатывание денег. Пахать на других или продавать себя — никакой разницы, всё одно: горбатиться на людей.

Нет. Цин Нин прекрасно знал — разница есть. Потому что Ши Ци говорил, что так поступать нельзя.

— Мы часто повторяем, что благодеяние, спасшее жизнь, превыше небес. Я привел тебя сюда и не требую возвращать мне долг жизнью, но по меньшей мере ты должен отплатить мне.

Лицо юноши мгновенно побелело, при свете ламп приобретя поразительную, захватывающую дух красоту. Уэллс склонился к Цин Нину и тихо произнес:

— Твое лицо способно принести нам несметные богатства, с этого дня ты не будешь знать нужды в еде и одежде, стоит тебе лишь пожелать как следует услужить той группе S-класса...

Цин Нин решительно отказался:

— Я не хочу.

— Я верну тебе ту упаковку питательного раствора, — подумав, добавил Цин Нин, — и еще за то, что ты провел меня в город.

— Как ты собираешься возвращать? — Уэллс прислонился к стене, и его выражение лица внезапно стало зловещим. — Это Столичная планета, здесь никогда не держат дармоедов.

Такой малыш, как ты, у которого даже духовной силы нет — на что ты годишься, кроме как задирать одежду и ублажать людей?

Губы Цин Нина задрожали, он судорожно вдохнул воздух и попятился.

Уэллс медленно покрутил запястьем, и духовная сила, подобно лианам, выползла из-под обнаженной кожи и обвила смертельно уязвимую шею Цин Нина. Он с улыбкой спросил:

— Или ты хочешь побыть непослушным ягненком, который усвоит урок только после того, как хлебнет лиха?

Нет. Цин Нин думал о том, что он всего лишь лимон, который хочет только набить желудок, а затем уйти от этих опасных людей. Ему следовало бы отыскать подходящий клочок земли для выживания, хватило бы и размером с ладонь. Он не собирался покоряться людям, он хотел сбежать.

Ему стоило уйти вместе с Ши Ци... Если бы только потолок не оказался таким высоким — ему было не дотянуться.

Цин Нин чувствовал себя обиженным и растерянным, его ресницы мгновенно увлажнились от слез. В тот момент, когда Уэллс решил, что тот сейчас не выдержит давления и сломается, Цин Нин внезапно сбил с ног официанта с подносом, и бокал с грохотом обрушился прямо на висок Уэллса. Вмиг алкоголь разлился по полу, повсюду разлетелись осколки стекла.

Воспользовавшись этим моментом, Цин Нин повернулся и бросился бежать.

В то же самое время ослепительные парадные светильники под потолком замигали неровным красным светом.

Уэллсу поступил вызов, и звук сирены на другом конце становился всё громче.

— Люди из Управления городской обороны прибыли.

— Черт побери, — выругался Уэллс и большими шагами бросился в погоню туда, где скрылся Цин Нин. — Закройте двери подвала, не пускайте их сюда. Новенькая красotka сбежала, я сам ее поймаю.

Цин Нин услышал резкий свист сирены, сзади всё ближе раздавались беспорядочные шаги. Он совершенно не знал дороги и мог лишь инстинктивно забиваться всё глубже, пока стремглав не влетел в подсобку.

Всюду здесь аккуратно стояли стопки крафтовых бумажных коробок, но Цин Нин не успевал

взбираться по коробкам к вентиляционному отверстию, поэтому он лишь пригнулся и нырнул в угол.

Тук, тук, тук.

Человеческие шаги замерли у входа.

Цин Нин изо всех сил зажал рот рукой, не смея издать ни звука даже при дыхании.

— Я знаю, что ты прячешься здесь, прямо за этими коробками, — Уэллс неспешно приближался, небрежно отталкивая коробки ручкой троса. — Ты слишком недооцениваешь духовную силу ранга А. Стоит мне закрыть глаза, и я почувствую, в каком углу ты дрожишь.

Цин Нин знал, что тот не лжет, потому что судя по звуку шагов, он направлялся именно сюда. Вся комната наполнилась едва уловимым дарованием, словно воздух насильно сжимали, заставляя Цин Нина едва ли не втягивать голову в плечи.

Цин Нин сжал зубы и со всей силы толкнул высоко нагроможденные перед ним картонные коробки. Спрятанный внутри хлам с грохотом и звоном рухнул на пол, взметая тучи пыли.

Уэллс отбросил преграждавший путь мусор и увидел, что Цин Нин по высоте коробок уже забрался на окно. Подсобка имела потолки высотой не меньше четырех метров — с такой высоты упадешь — ноги переломаешь.

Уэллс с мрачным выражением лица звонко захлопал в ладоши:

— Прыгай давай, снаружи все мои люди. Прыгнешь, сломаешь ноги — как раз упакуем и отправим кому-нибудь в постель.

Глаза Цин Нина покраснели, он был готов убить его этим ящиком.

В этот самый момент снаружи внезапно раздались суматошные шаги: люди торопливо бежали мимо двери, потом толкались и бежали обратно, шум толпы и крики слились в сплошной галдеж.

Гулкий грохот разорвал тишину: изысканные позолоченные двери в конце коридора взлетели на воздух, осколки от ударной волны с силой врезались в стены. Тяжелые, но чеканные шаги хлынули внутрь, и не успевшая испуганная толпа издавать звуки, как под коллективные вздохи ужаса ее жестко прижали к месту, полностью лишив голоса. В коридоре мгновенно стало мертво тихо.

Цин Нин заметил, как Уэллс явно занервничал. За дверью раздалось звучное, чеканное

предупреждение:

— Работает Управление городской обороны! Ни с места, руки вверх!

Уэллс прикрыл железную дверь подсобки и, не глядя на Цин Нина, бросился напрямик к окну.

Это те самые сотрудники Управления городской обороны, что проверяли их ID-карты у городских ворот. Зрачки Цин Нина слегка расширились: он понял, что Уэллс пытается сбежать.

— Нам поступил донос, что здесь занимаются торговлей имперскими гражданами, незаконным лишением свободы и организацией проституции! Живо все за нами на допрос!

В этот же момент железную дверь распахнули ударом ноги, и бегство Уэллса оказалось полностью разоблачено. Человек в черной форме стремительно влетел внутрь, щелкнул затвором пистолета и рывкнул:

— А ну слезь с окна, я тебя уже вижу!

Движения Уэллса резко оборвались. Цин Нин заметил, как одна его рука украдкой скользнула за пояс, где у него, как и у них, был пристегнут пистолет, в то время как половина тела Уэллса уже торчала наружу из окна!

Цин Нин толком не знал, чем занимается Управление городской обороны, но он точно знал: те, кто выступает против Уэллса — определенно делают доброе дело.

В мгновение ока, сам не понимая, откуда у него взялись силы, он схватил огромный ящик и изо всех сил швырнул его в руку Уэллса. Коробка весила добрых два десятка килограммов, да и стоял он близко — Уэллс буквально сбило с подоконника, а на лбу у него красовалась здоровящая дыра. Сам же Цин Нин по инерции свалился с многослойной башни из коробок и с глухим стуком шлепнулся задом на пол, измазав пылью руки и лицо.

— Ссс... —

Цин Нин судорожно втянул воздух, сдерживаемые до последнего слезы наконец скатились по щекам, после чего он обнаружил, что на него направлен черный злоедейский дульный срез.

— ...

Ночь. Огромный зал Дворца Негасимой Ночи утонул в злоедейской тишине.

Цин Нин впервые шел за кем-то в этот бескрайний зал; многоярусные хрустальные люстры свисали с конического потолка, и при ближайшем рассмотрении оказывалось, что кристаллы — на самом деле бесценные алмазы, а в конце прямых и широких ступеней возвышалась белая статуя человеческой женщины. Однако атмосфера здесь царила до того тяжелая, что от нее перехватывало дыхание, и в чистых, как зеркало, полах отражались растерянные фигуры всех присутствующих.

Цин Нин теребил уши, пригнувшись и присев на корточки в углу, как и все остальные, но из-за того, что страх перед людьми был слишком велик, он медленно, сантиметр за сантиметром перебирал ногами, пока полностью не отвернулся спиной к плотному кольцу жадных до крови солдат Управления городской обороны.

Позади замерли размеренные шаги, и Цин Нин услышал, как тот самый человек, что секунду назад целился в Уэллс из пистолета, докладывал:

— Генерал-майор, все здесь. Восемь человек пытались сбежать, их заблокировали у входа. Еще двое прятались в канализационных трубах, наши парни их оттуда вытряхнули.

Прождав довольно долго, Цин Нин слышал холодное «угу», брошенное так, будто говорящий страшно скупился на слова. Цин Нин сообразил, что этот человек, должно быть, их главный, потому что к нему то и дело подходили разные люди докладывать о делах, удостоиваясь в ответ лишь редких «угу» или кивков. Все почтительно называли его «генерал-майор», что, судя по всему, было почетным титулом в мире людей.

Даже когда этот человек-генерал-майор молчал, Цин Нин чувствовал исходящую от него мощную ауру подавления — силу куда более грозную, чем у Уэллса; все вокруг боялись его.

Возле уха Цин Нина раздались всхлипывания: наконец кто-то не выдержал и начал урывками плакать, и тогда все остальные тоже принялись завывать, кто громче, кто тише.

Цин Нин протянул руку, чтобы утереть лицо, и обнаружил, что слезы уже высохли, после чего с нарастающей тоской продолжил сидеть на корточках, гадая, куда же ему податься дальше.

Лишь бы его не продал Уэллс, а остаться на станции переработки отходов он был согласен даже в том случае, если придется остерегаться участи быть выброшенным в качестве мусора. Пожалуй, можно было бы отыскать кусок железного лома и установить надгробную плиту для погибших собратьев-лимонов — кажется, у людей существовал такой ритуал.

Цин Нин тихо ждал. В какой-то момент плач стих, и его подбородок вдруг поддели чем-то твердым, заставляя поднять голову.

Цин Нин моргнул и встретился взглядом с парой ледяных глаз, ощутив пронизывающее дыхание беспощадной северной стужи.

Эти люди были одеты в одинаковую черную форму, украшенную на груди знаками отличия в форме обелисков, отливающими холодным жестким металлическим блеском. Остальные бойцы Управления городской обороны молча стояли на страже рядом, слегка опустив подбородки в знак совершенно очевидной покорности.

Окружавшие его люди уже давным-давно тихонько расступились, образовав на этом месте просторную пустую площадку. Цин Нин тревожно заерзал, не понимая, с чего вдруг человеческий генерал-майор обратил на него внимание.

Неужели тот раскусил, что он — лимон?

Цин Нин в ужасе вытаращил глаза, но ведь Уэллс за столько времени ничего не заметил.

Скривившись, Цин Нин скосил глаза на валяющегося рядом Уэллса, о судьбе которого было ничего неизвестно. Его лоб по-прежнему кровоточил, рану никто не перевязал, и судя по всему, еще немного, и вся кровь вытечет до капли.

Поделом. Цин Нин поджал губы, мысленно выругавшись.

А затем его подбородок снова силой приподняли дулом пистолета, и он услышал, как этот человек спросил его:

— Почему не плачешь?

Цин Нин потрогал быстро опустевший живот и тихо ответил:

— Плакать надоело.

Выданная Уэллсом упаковка лимонного питательного раствора не принесла особого насыщения, ее хватило лишь на самую малость, чтобы притупить голод. Цин Нин по-прежнему был голоден, устал и измотан. Ему приходилось держать себя в руках и не допускать обезвоживания, как бы сильно он ни обижался и как бы ему ни хотелось голосить во всю мочь, подобно остальным.

<http://bllate.org/book/25621/3056076>